

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

В. С. Стариков. Материальная культура китайцев северо-восточных провинций КНР. М., 1967, 255 стр.

Вряд ли будет преувеличением сказать, что автор рецензируемой книги — пожалуй, единственный из советских этнографов-китаистов, кто был в состоянии взяться за систематическое изучение материальной культуры китайцев. Общей синологической подготовки и владения методикой этнографического исследования в данном случае еще далеко не достаточно. Для успешного решения поставленной задачи необходимы были обширные, остающиеся до сих пор уникальными полевые материалы, собранные В. С. Стариковым за время его многолетней полевой работы в Китае. Необходима была та сумма личных навыков и практического опыта, которая складывается лишь в результате длительного пребывания в среде изучаемого народа. Все это вместе взятое и определило характер фундаментального исследования В. С. Старикова, опубликованного в 1967 г. Главной редакцией восточной литературы издательства «Наука».

Для того чтобы правильно оценить значение книги, достаточно вспомнить, что работ такого рода вообще еще не было в синологической литературе. Материальная культура современных китайцев до сих пор не была предметом всестороннего монографического изучения. Работы предшественников В. С. Старикова — это или исследования отдельных частных аспектов материальной культуры или же общие работы, посвященные быту и нравам современных китайцев.

Автор справедливо считает, что «по-настоящему приступить к составлению характеристики материальной культуры китайцев будет возможно лишь после проведения предварительной работы по созданию региональных характеристик материальной культуры отдельных крупных групп в составе северных и южных китайцев (стр. 3). В качестве объекта первого из серии задуманных исследований В. С. Стариков избрал китайское население северо-восточных провинций КНР (Маньчжурии). И заслуга автора заключается не только в том, что он впервые дал читателю детальную и тщательно обоснованную фактическим материалом картину всех важнейших сторон материальной культуры и связанных с ними особенностей общественного быта и верований одной из значительных территориальных групп китайского народа. Достоинство книги в том, что весь обильный фактический материал служит основой для широких выводов по ряду таких существенных проблем, как закономерности формирования и взаимовлияния культур, соотношение этнической традиции и заимствований и т. д.

В этом смысле регион, избранный В. С. Стариковым, представляет большой интерес. Хотя уже в процессе первоначального формирования этнического ядра древних китайцев они имели контакты с предками современных тунгусо-маньчжурских народов, однако на рассматриваемой территории китайское население является пришлым, в основном сформировавшимся в результате постепенной колонизации в новейшее время. Китайцы, переселившиеся в Маньчжурию, столкнулись с местным населением — маньчжурами, эвенками, нанайцами (хэчжэ), частично ассимилировав их и в то же время переиная у них культурные и хозяйственные навыки, элементы духовной и материальной культуры. В результате этого процесса культурного взаимодействия китайцы Маньчжурии обладают многими своеобразными этнографическими чертами, отличающими их от других локальных групп китайского населения КНР.

Удачно композиционное построение книги. Каждая из ее девяти глав, посвященных отдельным аспектам материальной культуры, помимо основной, описательной, части включает раздел, в котором изложенный материал подвергается анализу в диахронном и этносравнительном плане. Здесь В. С. Стариков полемизирует с концепциями и частными мнениями других исследователей, разворачивает свою аргументацию, приводит материал для сопоставлений. Жаль только, что в ряде случаев опровергаются взгляды авторов, хорошо известных В. С. Старикову, но в гораздо меньшей степени — читателю, который подчас остается в неведении по поводу того, кто же именно скрывается под неопределенно-безликим обозначением «некоторые этнографы» (стр. 87, 96). Доходчивости описаний в значительной мере способствуют многочисленные фотографии, преимущественно оригинальные, а также схематические рисунки и планы, выполненные по эскизам автора. В качестве иллюстративного материала В. С. Стариковым широко привлечены фонды Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого при Институте этнографии АН СССР.

В то же время чувство неудовлетворенности вызывает отсутствие в книге историографического введения и списка использованной литературы. Постраничные библиографические сноски не восполняют этого пробела, так как в них не отражены многие работы, специально посвященные рассматриваемой проблематике. Это относится прежде всего к статьям и монографиям такого известного исследователя Маньчжурии, как Е. Е. Яшнов. Неясно также, почему ни разу не упомянута глава о материальной культуре китайцев в томе «Народы Восточной Азии» (авторами ее являются В. С. Стариков и ответственный редактор рецензируемой монографии Н. Н. Чебоксаров). Между тем внимательный читатель будет, несомненно, удивлен тем обстоятельством, что некоторые положения главы и монографии почти полностью совпадают текстуально, хотя авторы относят их к различным районам страны. Так, в томе «Народы Восточной Азии» (стр. 240) говорится, что «в узких долинах гористых местностей Юж-

ного Китая (пров. Гуандун и др.) деревни обычно расположены на склонах гор во избежание затопления при часто случающихся паводках»; в книге В. С. Старикова читаем: «В узких речных долинах гористых местностей на юге Маньчжурии, как и на севере собственно Китая, некоторые деревни расположены не на самом берегу, а чуть поодаль, на склонах гор, во избежание затопления при часто случающихся паводках» (стр. 9). Возможно, что данная особенность расположения деревень действительно в равной мере свойственна как южному Китаю, так и южной Маньчжурии, но в таком случае она должна быть отмечена не как специфическая, а, напротив, общая черта, характерная для весьма удаленных друг от друга локальных групп китайцев. К сожалению, задача показать как общекайтайские, так и местные особенности в материальной культуре китайцев Северо-Востока не во всех случаях решена автором недостаточно убедительно, а в такой главе как «Музыкальные инструменты» вообще невозможно обнаружить указаний на какие бы то ни было проявления локальной специфики.

Книга, несомненно, выиграла бы, если бы в ней присутствовал исторический обзор, из которого читатель мог бы получить общие сведения о характере и этапах процесса формирования современного китайского населения Маньчжурии. Автор, правда, касается этого вопроса в нескольких абзацах предисловия и введения, однако, явно недостаточно. Из предисловия, в частности, мы узнаем о том, что «северные китайцы много веков имели постоянные исторические, культурные и хозяйственные связи с тюркоязычными, монголоязычными, тунгусоязычными и другими народами, вошедшими в разное время в состав китайских государственных образований в результате завоеваний, отличававшихся большой жесткостью (жестокостью?—М. К.), захватом имущества и истреблением значительной части покоренных», что обусловило их взаимовлияние и взаимопроникновение, отразившееся в современной материальной культуре китайцев» (стр. 4). Высказанный здесь тезис о взаимосвязи между жесткостью завоеваний и интенсивностью культурного взаимопроникновения народов требует, по-видимому, более тщательного обоснования; он, помимо всего прочего, не имеет прямого отношения к избранному автором региону, поскольку массовое проникновение сюда китайцев не носило характера завоевания.

Попутно следует отметить досадные ошибки в хронологических датах: воцарение династии Цинь относится не к 246 г. до н. э. (стр. 211, 214), а к 221 г. до н. э.; период Южных и Северных династий датируется не 386—589 гг. (стр. 213), а 386—581 гг. и 420—587 гг. соответственно; маньчжурская династия Да Цин была провозглашена не в 1644 г. (стр. 214), а в 1636; 589 г.— не «начало периода Кай-хуан» (стр. 220), а его конец и т. д.

Одно из достоинств рецензируемой книги в том, что она буквально насыщена китайскими терминами для обозначения отдельных элементов материальной культуры. Достаточно сказать, что при описании жилища В. С. Стариков приводит местные названия более тридцати конструктивных деталей дома, некоторые из которых даются в различных вариантах. Рассмотрение народной терминологии в ее комплексе и взаимосвязи с реальными объектами материальной культуры позволило автору в ряде случаев (стр. 76, 98, 115, 126, 165, 167 и др.) внести существенные коррективы в сведения, сообщаемые даже таким авторитетным изданием как «Китайско-русский словарь» под ред. проф. И. М. Ошанина. В качестве примера укажу на слово *цзянь*, обычно переводимое в нашей литературе в значении счетного слова для комнат. Как убедительно показано В. С. Стариковым (стр. 18), применительно к традиционному китайскому жилищу *цзянь* представляет собой своеобразную единицу жилой площади, обозначающую помещение между основными вертикальными столбами каркаса здания (фактически за основу измерения берется длина пролета между столбами).

Но именно в связи с методикой привлечения китайской терминологии при описании предметов материальной культуры и связанных с ними обычаев возникает ряд вопросов, заслуживающих, на мой взгляд, более детального рассмотрения.

Прежде всего — о соотношении общепотребительной и местной, диалектной лексики. Здесь позиция автора не вполне последовательна. Подавляющее большинство упоминаемых им терминов — это слова, реально бытующие в языке местного китайского населения, хотя приводятся они в нормативном пекинском произношении. Вместе с тем отдельные названия даются в местном произношении (см. *панцуй* — женьшень, вместо *банцуй*, стр. 207 и др.) Некоторые же слова даются в фонетическом варианте, свойственном лишь письменной речи и не употребляющемуся в живом языке. Так, в разговоре китаец не называет безрукавку словом *бэйсинь* (стр. 89), а чилимсы — *сяжэнь* (стр. 123), хотя соответствующие иероглифы действительно имеют такое чтение; оба слова в живой устной речи произносятся как *бэйсир* и *сяжэр* соответственно.

Нестандартизована в книге и транскрипция китайских слов. Это обстоятельство, на первый взгляд, чисто технического свойства, приобретает принципиальное значение потому, что очень многие термины впервые вводятся в научный обиход автором рецензируемой книги. Не унифицировано, в частности, написание суффикса *цза*: в большинстве случаев он передается как *цза*, однако в тексте встречаются и такие слова как *куайцзы* (стр. 74), *цзунцзы* (стр. 110), *баоцзы* (стр. 112), *банцзы* (стр. 216) и др. При этом, например, слово «пояс» сначала записывается как *дайцзы* (стр. 86), а потом — как *дайцза* (стр. 87). Противоречиво написание финалей типа *-ань*, *-эн* (стр. 7, 24, 40, 47, 54, 76), *-ань* и *-ан* (стр. 129, 146, 197, 198). К числу ошибок в транскрипции следует отнести *лю жоу* (стр. 120, вместо *люй жоу* «ослятина»), *саньлюр* (стр. 172, вместо

саньлур «велорикша»), *ци син чжуань* (стр. 38, вместо *ци хан чжуань* «кирпичная семирядная кладка») и многое другое. Неясным остается принцип слитного или раздельного написания многосложных слов: в большинстве случаев каждый слог пишется отдельно, но иногда один и тот же термин дается в двух вариантах — *сань лур* (стр. 240) и *саньлур* (стр. 172), *дин пэн* (стр. 40) и *динпэн* (стр. 42), *цзянь би* (стр. 32) и *цзяньби* (стр. 43) и т. д. Суффикс *ца* В. С. Стариков обычно пишет слитно, но в слове *бао фэн бань ца* («ветроотбойная доска», стр. 30) — раздельно. То же самое можно сказать и о других суффиксах, например, *тоу*: наряду с *шитоу* (стр. 30) и *маньтоу* (стр. 58) мы встречаем *чжэнь тоу* (стр. 70), *вово тоу* (стр. 133) и пр.

Еще более существенна другая сторона вопроса. В ряде случаев автор приводит названия орудий труда, носящих явно описательный характер: таковы *дачан юн шитоу гуньца* (букв.: «каменный каток для обмолота», стр. 159) и *яди юн му гуньца* (букв.: «деревянный каток для утрамбовывания земли», стр. 154). Структура этих названий наводит на мысль о том, что перед нами не местные термины в собственном смысле этого слова, а описания способа употребления данных типов орудий, сообщаемые информатором в ответ на настойчивые расспросы этнографа. Точно так же маловероятно, что китайское население Маньчжурии в повседневной речи употребляет такой термин, как *ули сяо цзин* (букв. «маленький внутрикомнатный колодец») и т. д. Между тем для автора, широко использующего терминологические данные в выводах исторического плана, различение такого рода искусственных описательных названий и реально бытующих в языке терминов совершенно необходимо.

Здесь мы сталкиваемся, по-видимому, со спецификой полевой работы в китайязычной среде, где к сообщаемым информатором сведениям в ряде случаев необходим особый подход. Приведу такой пример. Описывая сельскохозяйственные орудия, распространенные у китайцев Маньчжурии, В. С. Стариков специально останавливается на термине *хуайба*, обозначающем неизвестный в других районах Китая тип маркера-бороздника, и пишет следующее: «Во время моей работы в поле обычно возникала заминка при записи иероглифами названия этого типичного для Маньчжурии орудия. Почти все из немногих умевших в то время писать китайских крестьян испытывали затруднение при выборе иероглифа для обозначения первой половины биннома *хуай+ба*. Все присутствовавшие крестьяне обычно оживленно обсуждали этот вопрос и в итоге выражали мнение, что для этой цели можно употребить любой созвучный иероглиф. В результате выяснилось, что первая часть термина *хуайба* — *хуай* не имеет специального значения...» (стр. 166—167). На этом основании В. С. Стариков предполагает, что «китайский термин *хуайба* является транскрипцией старого маньчжурского названия этого орудия» (там же), хотя и признает, что «слово, которым в маньчжурском языке называется маркер-бороздник..., пока еще остается неизвестным» (стр. 168).

Ход мысли автора не может не вызвать возражений. Прав этнограф, спрашивающий у китайского крестьянина, как называется то или иное орудие, но глубоко заблуждается тот, кто придает сколько-нибудь серьезное значение иероглифической передаче терминов, сообщаемой тем же информатором. Заблуждается потому, что уровень грамотности в крестьянской среде даже в наши дни остается крайне низким. Вряд ли можно требовать от человека, запомнившего в лучшем случае одну-две сотни иероглифов, умения правильно писать названия всех объектов, которые могут заинтересовать специалиста-этнографа. Многочисленные свидетельства того дает хотя бы указатель китайских терминов, приложенный к книге В. С. Старикова. Здесь мы обнаруживаем записанные со слов информатора термины, в которых один или несколько слогов даны ошибочными иероглифами, подобранными лишь по звучанию. Таковы *мусюй тан* (суп с древесными грибами, стр. 123), *юань сяо* (кушанье типа клецок со сладкой начинкой, стр. 126), *да лу мянь* (лапша с гарниром, стр. 112), *цзянь бин* (тонкие блины, стр. 111) и др.

Вместе с тем важно подчеркнуть, что наряду с такими словами, для записи которых сейчас существуют строго определенные знаки, в различных диалектах современного китайского языка есть немало слов, иероглифическая запись которых отражает лишь их произношение, не неся характерной для системы китайской иероглифики идеографической нагрузки. Как отмечалось выше, основанием для предположения о заимствованном характере термина *хуайба* послужил для В. С. Старикова тот факт, что первый иероглиф в составе данного биннома сам по себе не имеет определенного значения. Но то же самое можно сказать, например, и о приводимых автором названиях таких предметов, как веник (*гяочжу*, стр. 68), плетеная шумовка (*чжаоли*, стр. 78) и др. Современные иероглифические словари не приводят каких-либо специальных значений для первых знаков этих бинномов. Приняв гипотезу В. С. Старикова, мы должны были бы предполагать, что и эти слова являются заимствованиями. Для этого у нас, однако, нет оснований. Вообще привлечение лингвистических данных для выявления происхождения тех или иных элементов материальной культуры должно, по-видимому, основываться на более точных и однозначных критериях, чем те, которые сформулированы автором в ряде экскурсов рецензируемой работы.

Разумеется, говоря о спорных моментах в исследовании В. С. Старикова, нельзя забывать о том, что они вообще неизбежны в работе такого широкого плана, предпринимаемой к тому же впервые. Несомненно, что в последующих очерках задуманной серии автор сумеет избежать многих из тех недочетов, которые были отмечены выше.

М. В. Крюков